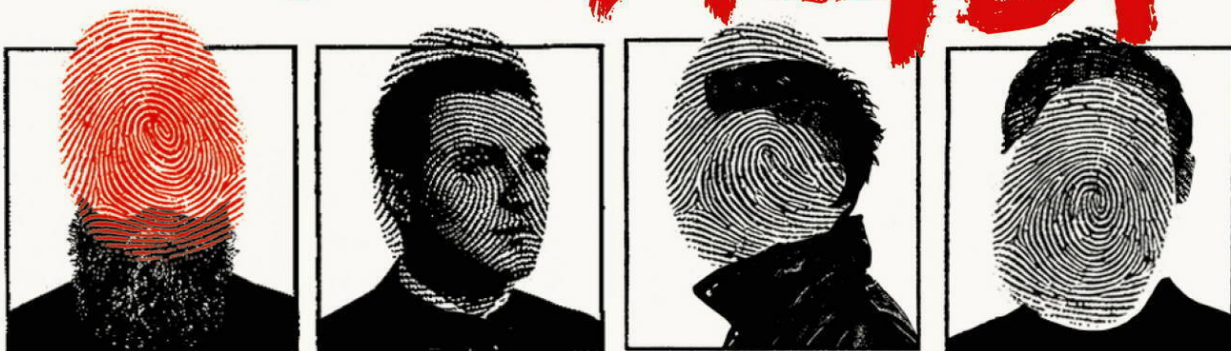

РОБЕРТ КЕППЕЛ

американский криминалист,
работавший над делами
Теда Банди и Гэри Риджуэя

ПОЧЕРК УБИЙЦЫ

КАК ПРОФАЙЛЕРЫ ФБР ВЫЧИСЛЯЮТ

18+

**МАНЬЯКОВ
И ПСИХОПАТОВ**

Почему они убивают. Легенда профайлинга Джон Дуглас

Роберт Кешел

**Почерк убийцы. Как
профайлеры ФБР вычисляют
маньяков и психопатов**

«ЭКСМО»

1997

УДК 343.9

ББК 67.51

Кеппел Р.

Почерк убийцы. Как профайлеры ФБР вычисляют маньяков и психопатов / Р. Кеппел — «Эксмо», 1997 — (Почему они убивают. Легенда профайлинга Джон Дуглас)

ISBN 978-5-04-248972-3

«Одно из самых глубоких исследований серийных убийц, существующих на сегодняшний день». — Энн Рул, автор книги «Убийца рядом со мной»
Один из ведущих профайлеров США показывает, как криминалисты учатся читать место преступления — и распознавать психологический «почерк» маньяка. Серийные убийцы оставляют после себя не только тела. У каждого из них есть сигнатура, почерк — особый ритуал, форма пытки, сценарий насилия, который вновь и вновь повторяется от жертвы к жертве. Именно по этим повторяющимся деталям следователь Роберт Кеппел — один из главных специалистов по серийным убийствам в США — пытается понять не только как действуют маньяки, но и зачем они убивают. Кеппел расследовал более двух тысяч убийств и лично беседовал с Тедом Банди, пытаясь через одного серийного убийцу выйти на другого — неуловимого убийцу с Грин-Ривер. В этой книге он разбирает самые страшные и громкие дела XX века: Джеффри Дамера, Джона Гейси, «Убийцу одиноких сердец», «Торсо-киллера», садистов, сексуальных маньяков и убийц, для которых насилие становится навязчивым ритуалом. Шаг за шагом Кеппел показывает, как криминалисты учатся читать место преступления словно книгу. Почему один убийца стремится к контролю, другой — к мести, а третий — к возбуждению? Можно ли увидеть момент, когда человек впервые «переступает черту»? Почему некоторым серийным убийцам недостаточно самого убийства? И действительно ли будущего маньяка можно распознать до того, как он начнет убивать? «Почерк убийцы» — одновременно криминальное расследование, психологическое исследование и один из самых известных тру-крайм-текстов о природе серийного насилия. С предисловием Энн Рул — легенды жанра и автора

«Убийцы рядом со мной». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.9

ББК 67.51

ISBN 978-5-04-248972-3

© Кеппел Р., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Предисловие Энн Рул	7
Введение	9
1. Визитная карточка серийного убийцы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Роберт Кеппел

Почерк убийцы. Как профайлеры ФБР вычисляют маньяков и психопатов

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Из топей сумерных по утесам туманным
Господом проклятый шел Грендель.
Беовульф. (пер. В. Тихомирова)*

*Один, один, всегда один,
Один и день и ночь.
Сказание о старом мореходе. Сэмюел Тейлор Кольридж (пер. В.
Левика)*

Предисловие Энн Рул

Совсем недавно, еще в 1982-м, существовал только один термин для описания преступников, убивших несколько жертв: «массовый убийца». Это обозначение являлось корректным только для *одного* типа убийцы – маньяка-психопата, открывающего огонь в полном людях ресторане, в университетском кампусе или, да, в отделении почты. Массовый убийца обычно параноидный шизофреник с суицидальными намерениями, погибающий в центре хаоса, созданного его руками.

Затем, в начале 1980-х, мы начали использовать термин «серийный убийца», предложенный Пирсом Бруксом, которого автор, Боб Кеппел, называет своим «наставником». Брукс заметил, что есть убийцы вполне вменяемые в медицинском и юридическом смысле слова, которые убивают снова и снова – пока их не поймают или пока они не умрут. Их он и назвал «серийными убийцами».

Разделение убийц со множественными жертвами на категории и их изучение со стороны может показаться тяжелой и неблагодарной задачей. Но это не так. Как только произошел раздел между «массовыми» и «серийными» убийствами, самые умные и современные детективы и криминологи поняли, что в этих категориях существуют подкатегории. Например, «цепным убийцей» считается серийный убийца, который, единожды переступив черту, убивает по жертве в день в течение недели-двух.

Боб Кеппел, полная противоположность «телевизионному детективу», более двух десятилетий изучал мотивацию и методы множественных убийц, действующих среди нас. Он не «интуитивный» следователь и не «профайлер» в обывательском понимании этого термина, хотя зачастую работает с другими детективами, помогая им в «профилировании» разыскиваемых преступников. Поскольку я знаю Боба Кеппела и пишу о нем с его первого дела об убийстве, я назвала бы его детективом-ученым-криминологом-психологом-компьютерным гением. Именно Кеппел использовал в 1970-х только изобретенный компьютер для выделения Теда Банди из 2000 подозреваемых в «Убийствах Теда» на северо-западе страны. Уже тогда ему было ясно, что компьютеры со временем станут важнейшим инструментом в расследовании крупных преступлений.

Боб Кеппел оказался настолько умен, что позволил Теду Банди *думать*, будто он перехитрил Кеппела, ведь кто лучше знает серийных убийц, чем серийный убийца? Кеппел слушал и кивал, и запоминал каждое слово Банди, одного из самых печально знаменитых серийных убийц Америки, который должен был вот-вот сесть на электрический стул. «От Банди и ему подобных я узнал, что процесс убийства для них продолжается дольше, чем мы считаем, – вспоминает Кеппел. – Один из них сказал мне “убийство не закончено, пока Я не скажу, что оно закончено”».

Почерк убийцы, написанный Бобом Кеппелом в сотрудничестве с Биллом Бернсом – это результат масштабного исследования садистических убийц. Читая эту книгу, вы следуете за Кеппелом и словно заглядываете через его плечо в материалы дел, которые он перелистывает – дел о самых шокирующих убийствах в истории криминалистики. Определенно это чтение не для слабых духом или желудком. Хоть я и пишу об убийствах столько же, сколько Кеппел их расследует, мне порой приходилось откладывать книгу и идти на улицу, сажать на солнышке герани. Признаюсь честно, я не могла читать ее по ночам.

За шокирующими описаниями проявлений садизма и процессов мышления в аберрантном мозгу в *Почерке убийцы* таится намного больше. Для любого, кому хотелось бы сесть за стол с детективом и задать ему вопросы, это настоящая золотая жила. Боб Кеппел излагает теории убийства, которые никто до него еще не открывал. Он говорит о «психологической визитной карточке», которую сигнатурный убийца оставляет за собой, зачастую неосознанно.

Эти едва заметные схожие черты позволяют детективам и профайлерам использовать компьютеры гораздо эффективнее.

Кеппел обсуждает в книге как широко известные имена – из газетных заголовков, – так и те, которые знают лишь в полицейских юрисдикциях, где они совершали преступления. Даже я почерпнула из книги кое-что новое об убийцах, про которых, казалось, все уже знала.

Почерк убийцы – не быстрое чтение. Я бы сказала, что эту книгу можно использовать как учебник по серийным убийствам для всех, кто интересуется криминальной аберрантной личностью. Одновременно она представляет огромный интерес для профессионалов в правоохранительной сфере и читателей, которые, как я, задумываются о причудливых ходах мысли преступного разума. Осмелюсь сказать, что это единственное исследование такого уровня, что существует на сегодняшний день.

Думаю, Боб Кеппел согласился бы со мной. Он задает вопросы об убийствах уже очень давно. Он запрашивает *больше исследований* – больше глубинных интервью с серийными преступниками. Компьютеры точны, когда располагают точной информацией. Кеппел убежден, что будущего серийного убийцу можно распознать заранее – задолго до того, как он станет преступником.

«Мы лишь скребем по поверхности, – комментирует он. – Нам надо еще очень много изучить и понять. Я имею в виду – *что, если мы можем как-то это предотвратить?*»

В *Почерке убийцы* Боб Кеппел не просто «поскреб по поверхности». Кеппел и Боб Бернс проводят нас по длинной дороге к пониманию феномена сигнатурного убийства – к пониманию *убийства вообще*, – и эти знания определенно защитят читателя и тех, кто ему небезразличен. Эта книга заставит вас задуматься – возможно, о том, о чем вам не хотелось бы думать. Она напугает вас и шокирует. Но, пока мы не поймем механизмы серийного убийства, мы не сможем проследить его корни, которые необходимо вырвать, пока они не дали новые побеги.

Введение

Жители квартала и случайные прохожие не могли не замечать царившего вокруг напряжения и треплющихся на ветру полицейских желтых лент с надписями «Место преступления – не заходить». Повсюду стояли полицейские экипажи, красно-синие мигалки отражались от залитых дождем стен зданий. Это стало почти привычно: объявления в одиннадцатичасовых новостях, угрожающие заголовки в местных газетах – «Маньяк разгуливает на свободе». И предупреждения: в зоне риска все; женщинам не рекомендовано в одиночку выходить на улицу; безопасность в количестве. Не важно, какой это был город. Мог быть любой, от Сиэтла до Майами. Все происходило одинаково.

В темноте никем не замеченный мужчина в черной водолазке, теплой рубашке с длинным рукавом и, возможно, синей шерстяной кепке выглянул в окно на случайную машину, отодвинул стеклянные двери и нырнул в ночной мрак.

Улица была пуста. Пробегая через круг света от дорожного фонаря, он отбросил тень на забор из металлической сетки в глухой черноте переулка. За ним, по другую сторону стеклянной двери, остался окровавленный труп все еще прекрасной молодой женщины, красивой даже в смерти.

Веревка, завязанная петлей вокруг ее шеи, была вещественным свидетельством жестокого смертоносного контроля, который убийца взял над жертвой в последние мгновения ее жизни. Ее тело с пятьюдесятью ножевыми ранениями в грудь превратилось в доказательство навязчивой потребности преступника убивать. В финальном акте своей некрофильской фантазии, который он потом неоднократно будет в одиночестве восстанавливать в памяти, убийца вложил в губы жертвы розу на длинном стебле и аккуратно, с хирургической точностью, отрезал скальпелем ее правую грудь – сувенир, который еще долго будет его возбуждать. В ту ночь за раздвижными дверями квартиры на первом этаже женщину мучили, пытали, а потом убили и разложили в позе более страшной, чем пришла бы на ум Ганнибалу Лектеру или Фредди Крюгеру.

Мы сбились со счета тех случаев, когда перепуганная общественность переживала присутствие рядом сумасшедшего убийцы, охотящегося за жертвами, пока он не будет пойман, не умрет или просто не переберется на другие охотничьи угодья. Чем причудливей убийства, которые пресса расписывает во всех подробностях, тем острее общество ощущает угрозу; большинство людей этого не знают, но практически каждый из нас в какой-то момент жизни оказывается в опасности: одинокий турист, мужчина или женщина в незнакомом городе ночью; геи, просто живущие свою жизнь; дети, возвращающиеся домой из школы или ждущие на автобусной остановке; малыши, потерявшие родителей в торговом центре или супермаркете; студенты, слишком полагающиеся на безопасность своих кампусов, или проститутки, циркулирующие по улице в районе красных фонарей. Убийства этих жертв из категории высокого риска немедленно попадают в новостные ленты. Газетчики обожают громкие заголовки вроде «Бостонский душитель», «Ночной сталкер» или «Убийца с мусорным мешком» – они дают преступнику прозвище, которым пользуются, пока того не поймают и не станет известно его настоящее имя. Называя преступника «душителем», «потрошителем», «мясником» и т. п., журналисты, как правило, не осознают, что выделяют истинные патологические символы, лежащие в основе его преступлений, его психологический мотив, дающий преступнику ощущение контроля над другими, к которому он отчаянно стремится.

Конечно, мысль об уродовании красивой женщины вызывает у большинства из нас отвращение. Любой нормальный человек поморщится при мысли о насилии. Многие из нас временами впадают в ярость, но останавливаются, не переходя к настоящей жестокости, потому что мы приучены воздерживаться от нее. Мы боимся того, что можем сделать – что может сделать

зверь у нас внутри, – даже больше, чем юридических последствий своих яростных страстей. Но для компульсивного убийцы уродование трупа и «чрезмерное» убийство – способ ощутить контроль, доминировать над своей сексуально униженной жертвой. Все это особенности его психопатологического сценария, который он хочет разыгрывать снова и снова и который заставляет его убивать.

Убийцы такого типа – настоящие невидимки, безымянные призраки, появляющиеся будто из ниоткуда и исчезающие, не оставив следа. Только наиболее опытному детективу по силам распознать общие черты и предсказуемые изменения от одного преступления к другому в серии убийств еще до того, как будут найдены и опрошены родственники и знакомые жертвы. Они сосредоточиваются на одной центральной характеристике, «сигнатуре» убийцы. Она запечатлена в самой его сущности, и убийца воссоздает ее всякий раз, совершая преступление. Следователи, которые знают, как отыскать сигнатуру убийцы, и понимают, что она означает, обычно достигают большего успеха в раскрытии серийных преступлений, чем их коллеги, действующие не задумываясь, по традиционной процедуре.

Когда происходит убийство, в котором прослеживается сигнатура, у нас, в штате Вашингтон, или по соседству; когда дело о серийных убийствах в другом штате требует сторонней помощи; когда жестокость убийства заставляет ежиться даже бывалых детективов – тогда у меня на столе звонит телефон. Моя работа – связать между собой разные нити в расследовании сигнатурного убийства, особенно если оно является частью серии, и помочь следственной группе схватить злодея. Я стараюсь не полагаться на предсказуемые психологические профили, составленные любителями поведенческой науки. Вместо этого я смотрю на компоненты сигнатуры – особенности места преступления и профиль жертвы, которые подсказывают мне, чего преступник хотел и где может нанести следующий удар. Я хочу, чтобы следственная группа как можно скорее поймала его.

Как специалист по сигнатурным убийствам я вижу самые страшные и отталкивающие картины насилия и ежедневно сталкиваюсь с печальной и шокирующей правдой о том, что один человек может сделать другому. Я вижу слабые стороны не только в жертве, но и в убийце, его уязвимость и отчаяние, запекшиеся в высохшей крови и темнеющие в каждом синяке на теле жертвы. Как Куртц Джозефа Конрада, я двигаюсь вверх по реке крови к самому сердцу тьмы – ледяной пещере души сигнатурного убийцы. Я должен добраться туда, чтобы восстановить последние часы и минуты жизни жертвы после того, как ее путь имел несчастье пересечься с путем сигнатурного серийного убийцы.

1. Визитная карточка серийного убийцы

Каковы характерные черты серийного убийцы и как нам узнать, что это он нанес удар? Неудивительно, что особенности, определяющие личность серийного убийцы, встречаются у многих несчастливых и психически нестабильных людей. Но у серийного убийцы они проявляются в экстремальном виде. В 1975-м, когда я был главным следователем по делу «Теда-убийцы» в округе Кинг, Вашингтон, я искренне не знал, как выйти на преступника. Я понимал, что у нас есть жертвы, похожие друг на друга, как родные сестры. Вскоре я также выяснил, что наш преступник умеет входить в контакт с жертвами так непринужденно, что может делать это посреди полного людей пляжа или на битком набитом танцполе в баре. И только когда месяцы спустя мы пересматривали его дело, нам стали очевидны приметы, общие для всех его убийств. Оглядываясь назад, мы увидели, что они присутствовали даже в тех случаях, когда он осознанно и намеренно менял свои приемы, чтобы сбить нас со следа или поэкспериментировать с новыми способами получения сексуального удовлетворения. Эти общие приметы, повторяющиеся от преступления к преступлению, стали считаться почерком убийцы – сигнатурой.

Что такое почерк убийцы?

Почерк убийцы – это его психологическая «визитная карточка», которую он оставляет на месте каждого своего преступления. Я научился распознавать этот почерк, изучив тысячи мест преступлений и расследовав сотни серийных убийств. Моя жизнь и работа детективом убийного отдела научили меня обращать внимание на необычное – то, что встречается редко и отличает одно убийство от другого. С помощью этого метода – поиска необычных черт в одном убийстве и распознавания их на местах других преступлений – я и устанавливаю, являются ли разрозненные убийства делом рук одного преступника. Например, когда убийца на одном месте преступления намеренно оставляет жертву в определенной позе, когда жестоко избивает даже после смерти и насилует куском железной трубы, это выглядит исключительно необычным. После второго убийства, когда преступник повторяет те же действия, пусть даже изменяет кое-какие мелочи, у меня не остается сомнений, что два преступления связаны. Убийца оставил свою сигнатуру.

Большинство людей путают МО, или модус операнди, с сигнатурой, как будто это одно и то же. Но они ошибаются. МО, определение которого восходит к семнадцатому веку, – это просто способ, которым действует конкретный преступник. Если он занимается ограблениями и использует стеклорез, чтобы проникнуть в двери, а стекло вынимает присоской, чтобы оно не упало на землю и не наделало шуму, это его МО. Если он использует газету вместо присоски, чтобы стекло не рассыпалось на осколки и не наделало шуму, это другой МО. Когда полицейские находят на месте преступления обрывки газеты, они просматривают свою картотеку и ищут грабителей, которые используют газеты, и так у них появляется список подозреваемых.

Некоторые преступники действуют исключительно по ночам; другие предпочитают следить за банкоматами в уединенных местах, где дожидаются жертвы определенного типа, например, одинокой женщины или пожилого человека. Кому-то нравится посещать массовые мероприятия и таскать из карманов публики бумажники, после чего скрываться в толпе. В основном МО зависит от типа преступления и собственности, на которую преступник покушается. Он также определяется типом жертвы, временем и местом совершения преступления, использованием тех или иных приспособлений, путем, которым преступник получает доступ к имуществу или жертве (сюда входят маскировка, переодевание, способ вступить с жертвой в контакт, даже использование реквизита вроде велосипеда или пары костылей), наличием или отсутствием сообщников, а также другими фирменными приемами, оставляющими следы (например, отравление сторожевой собаки, использование особой отмычки для взлома замка или

вступление с жертвами в беседу). Звучит довольно просто, не правда ли? В большинстве случаев так и есть.

Тем не менее МО – не единственная зацепка для раскрытия преступления, хотя многие следователи так считают. На многих делах, над которыми я работал с полицейскими детективами, я наблюдал, что они слишком полагаются на МО, и когда он меняется, даже несильно, от преступления к преступлению, начинают искать другого преступника, несмотря на очевидную связь. Например: представим, что мы расследуем серию убийств, жертвами которых до сих пор стали три белые женщины и одна чернокожая. Пусть преступления похожи – все совершены возле университетских кампусов, в укромных уголках на расстоянии от пяти до десяти километров друг от друга, везде жертвы были изнасилованы, – тот факт, что одна из жертв была чернокожей, а остальные белыми, заставляет полицейских в большинстве случаев искать двух подозреваемых. Именно так случилось в Рочестере, штат Нью-Йорк, в 1989-м, в ходе расследования дела Артура Шоукросса. Убийца напал на белых и чернокожих проституток, а также просто на случайно встреченных женщин, не являвшихся проститутками. Разные типы жертв сбили полицию со следа: одно время они искали сразу трех убийц. Но убийца был один: бывший заключенный, вышедший по условно-досрочному, Артур Шоукросс, который признался во всех убийствах.

Преступники не всегда так глупы, как людям нравится думать. Я допрашивал закоренелых преступников, долгие периоды сидевших в тюрьме: они были там частыми посетителями библиотеки и читали те же руководства по ведению расследования, что и полицейские в своих академиях. Мошенники, грабители и убийцы изучали «технику дознания», «исследование места преступления», «ведение допроса подозреваемого», «опознание похищенной собственности» и «основы МО преступников». Плохие парни рассказывали мне, что, почитав книги о МО, намеренно меняли его от преступления к преступлению, когда оказывались на свободе. Это может показаться очевидным, но полиция, заикленная на МО, действительно теряла след. Плохие парни имели полное право гордиться собой, говоря вслед за *Паттоном* Джорджа К. Скотта: «Я читал вашу книгу».

Почерк против МО

Поскольку МО может меняться, глупо говорить, что, если в делах, связанных местом, временем или юрисдикцией совершения преступления, прослеживаются разные МО, тут действовали разные преступники. Так произошло при расследовании убийств детей в Атланте и убийств Артура Шоукросса в Рочестере, Нью-Йорк, где полиция долго гонялась за призраками. Однако существуют и другие приметы, связывающие убийства даже при изменении МО. Многие серийные убийцы-садисты, к примеру, выходят за рамки необходимости при совершении своих преступлений. МО убийцы может меняться и меняется со временем по мере того, как убийца выясняет, какие методы действуют эффективней. Джон Дуглас из Отдела поведенческого анализа ФБР в Куантико говорит, что модус операнди убийцы – это лишь те действия, которые необходимы для совершения убийства.

Многие убийцы выходят за рамки МО для получения удовлетворения от убийства. Ими движет навязчивое стремление оставить свой личный след. Личность убийцы находит выражение в его уникальной сигнатуре – «подписи», оставленной на месте преступления по психологическим причинам с целью получения сексуального удовольствия. На языке Теда Банди – это «камешки», который убийца подбрасывает. Ядро такой сигнатуры никогда не меняется. В отличие от особенностей МО, ядро остается константой. Тем не менее сигнатура со временем может эволюционировать, как в случаях, когда убийца-некрофил уродует тело жертвы после смерти все сильнее с каждым убийством. Специалисты по поведенческому анализу из ФБР

считают, что элементы сигнатуры, необходимой для личностного самовыражения, не меняются, а скорее эволюционируют, стремясь к наиболее полному раскрытию.

Джон Дуглас как-то описал природу сигнатуры как фантазию человека о насилии, которая постепенно прогрессирует и способствует проявлениям насилия в экстремальных формах. По мере того как человек мечтает и фантазирует, у него появляется все более настоятельная потребность осуществить свои фантазии. Большинство серийных убийц живет со своими фантазиями годами, прежде чем выпускает их на волю и осуществляет на практике. Когда убийца наконец приступает к действию, определенные аспекты его преступлений отражают элементы фантазии, которую он проигрывал многократно. Детектив Департамента полиции Нью-Йорка на пенсии Вернон Геберт писал в этой связи, что для убийц такого типа недостаточно просто убивать: им нужно осуществлять свои фантазии, а не наносить жертве травмы, несовместимые с жизнью. За свою карьеру я повидал убийц на сексуальной почве, которые забивали жертв камнями до смерти и продолжали бить, убийц, оставлявших на телах жертв резьбу в виде сложных узоров, или убийц, писавших кровью жертвы послания на стенах. Некоторые укладывали жертву особым образом, осуществляя в ее отношении посмертные действия, отражающие их собственные желания. Во всех этих случаях они оставляли на месте преступления свою психопатологическую визитную карточку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.